

Г. А. Будник

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПОСРЕДНИЦА
ВОСПРОИЗВОДСТВА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
(на материале конца 1940-х – начала 1950-х гг.)**

Воспроизводство коллективной памяти происходит различными способами, в том числе и от учителя к ученику. Одним из таких посредников является научно-педагогическая интеллигенция. Роль ее чрезвычайно велика, так как во многом от того, какие знания, понятия, факты сохранятся в памяти студентов (или будут забыты, исключены из коллективной памяти нового поколения), будет зависеть интерпретация ими событий в окружающем мире. Не удивительно поэтому, что власти всегда уделяли много внимания содержанию учебных программ, а также контролю за подготовкой и деятельностью преподавателей высшей школы. Целью данной статьи является анализ партийно-государственной политики в отношении научно-педагогической интеллигенции и ее результатов, с точки зрения воздействия на коллективную память вузовской интеллигенции 1946–1953 годов.

Итак, Великая Отечественная война закончилась, жизнь входила в мирное русло. С фронта и из эвакуации в родные вузы возвращались преподаватели и студенты. В результате институтские аудитории «поменяли цвет», так как фронтовики продолжали носить военную форму, заслуженно гордясь боевыми наградами. Однако научно-педагогические и студенческие коллективы изменились не только внешне. Другим, более раскрепощенным, стал внутренний мир вузовской интеллигенции. Военные испытания показали значение общечеловеческих ценностей, а знакомство преподавателей, принимавших участие в освобождении стран Западной Европы от фашистов, с европейской культурой, способствовало развитию у них самостоятельного мышления, неподдающегося контролю.

Бывшие фронтовики были уверены, что после победы над гитлеровцами, в мирных условиях, они смогут добиться справедливости. Они были активны в своих поступках и критичны в высказываниях. В протоколах вузовских партийных собраний появились замечания о так называемых «нездоровых высказываниях» преподавателей. В соответствии с партийным языком тех лет под «нездоровыми высказываниями» понимались мысли и идеи, не укладывающиеся в традиционные рамки догматизированного марксизма. Неудивительно поэтому, как писал в воспоминаниях преподаватель Ивановского педагогического института (ныне ИвГУ) П. Н. Куприяновский, что уже «... в августе 1946 года грянул гром – появилось партийное постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Вслед за ним вышли другие постановления, как тогда обобщенно говорили, “по идеологическим вопросам». Общий смысл их точно выразил в одной из бесед с Павлом Николаевичем его коллега Д. Е. Максимов, сказав: «Зажимают клапаны»¹.

Началась так называемая борьба с космополитизмом². «Что такое космополитизм, никто толком не знал. Но атмосфера создавалась гнетущая. Если человек не ура-патриот, то его уже легко было сделать космополитом. Опять началась мутная волна наветов и доносов на этих невиданных еще врагов – слово-то какое придумали – “космополит”», – писала в своих воспоминаниях, изданных ее детьми, доцент Ивановского педагогического института Л. В. Венкстерн³.

В высших учебных заведениях началась кампания против «тлетворного влияния Запада», «раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и буржуазной реакционной культурой». Было установлено, что во многих высших учебных заведениях

¹ Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1 / Составитель Е. М. Алексеева. Иваново, 1993. С. 79.

² Под космополитизмом в то время понимали реакционную идеологию, проповедовавшую теорию мирового гражданства, отказ от патриотизма. Аналогичным было употребление терминов «низкопоклонство», «раболепие», означавших преклонение перед Западом. В действительности подобные «ярлыки» были необходимы для оправдания карательных мер в борьбе с реальной и потенциальной интеллектуальной оппозицией.

³ Венкстерн Л. В. То было наше время: (Воспоминания, очерки, заметки). На правах рукописи. Иваново, 1997. С. 134.

существовала «большая засоренность лицами, не внушающими политического доверия»⁴. Началась борьба с «безродными космополитами». В ходе нее многие видные ученые были уволены из института, среди них – люди с дореволюционным стажем, выпускники известных европейских вузов. Это, например, А. З. Александров, заведующий кафедрой политической экономии Московского педагогического института, окончивший в 1918 г. Сорбонну, М. Я. Катунский, получивший образование в университете Цюриха и работавший затем в Московском химико-технологическом институте. Особое внимание уделялось вузам Москвы и Ленинграда, которые должны были, в соответствии с формулировками тех лет быть «образцовыми учебными заведениями». Серьезное внимание со стороны партийных органов было обращено на педагогическим институты, так как будущие учителя должны были воспитываться в духе «преданности идеям партии».

Пик борьбы с космополитизмом приходится на 1950-53 гг. В январе 1950 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о применении смертной казни «к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», а в сентябре уже были вынесены приговоры обвиняемым по «ленинградскому делу». Во всех вузах страны изучали документы XIX (1952 г.) съезда ВКП(б), на котором дальнейшее развитие получили идеи И. В. Сталина об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и повышении в этих условиях политической бдительности. Так, Г. М. Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) сказал: «У нас еще сохранились остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали. Эти пережитки не отмирают сами собою. Они очень живучи, могут расти, и против них надо вести решительную борьбу. Мы не застрахованы от проникновения к нам чуждых взглядов, идей и настроений извне, со стороны капиталистических государств, и внутри, со стороны недобитых партией остатков враждебных советской власти групп»⁵.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 64. Л. 14.

⁵ Ленинец / Московский гос. пед. Ин-т. 1953. 14 апреля.

В вузах в эти годы началось выправление тематических планов занятий, экзаменационных билетов, стенографирование лекций и семинаров, проверка конспектов, обсуждение преподавателей. По итогам проверок принимались такие, к примеру, решения: «Доцент Каплин Н. И. прочитал лекцию о пастбищном содержании животноводства на слабом идейном уровне», «Лекции профессора Ярославцева П. Ф., доцента Балужева В. К. при вполне удовлетворительном теоретическом уровне имеют недостатки со стороны партийного уровня» (Ивановский сельскохозяйственный институт, 1950 г.)⁶. Академик С. С. Дмитриев так передает в своих дневниках атмосферу в среде научно-педагогической интеллигенции тех лет: «Людьми все более овладевает чувство неуверенности во всем. <...> Все ценности начинают переоцениваться, все смещается и сдвигается, грозя оставить пустое место в итоге такого хаотического мыслетрясения и людотрясения»⁷.

Волны «перетряски» преподавательских кадров прокатывались то по медицинским, то по педагогическим вузам. Только в городе Иванове к 1950 году 163 из 802 преподавателей вузов были причислены к «несоответствующим требованиям высшей школы». Мотивом «несоответствия» объявлялось отсутствие пролетарско-крестьянского происхождения, наличие среди родственников осужденных по 58-й статье, контакты с зарубежными странами⁸. Такими методами производилась «фильтрация» социальной памяти вузовской интеллигенции. Из ее коллективной памяти «изымалось» все, что противоречило установкам ЦК ВКП(б), она идеологически ограничивалась, исчезали многие сюжеты прошлого.

Социальная память – не абстрактное понятие. Это судьбы конкретных людей, чье мировосприятие не совпадало с официальной идеологией. Не все выдерживали подобную «политическую трескотню и блудословие» (С. С. Дмитриев), могли замкнуться и промолчать, особенно когда посредственные в

⁶ Государственный архив Ивановской области. (далее – ГАИО). Ф. 2054. Оп. 10. Д. 345. Л. 6.

⁷ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 146.

⁸ ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 8. Д. 1337. Л. 35.

научном плане личности доказывали научную несостоятельность крупных ученых. В упоминавшихся выше воспоминаниях Л. В. Венкстерн имеются сведения о трагическом случае, произошедшем в эти годы: «покончила жизнь самоубийством Нина Разумовская. Обстоятельства будто бы были такие: в Ивановском педагогическом институте, где она преподавала, обсуждался вопрос о космополитах в исторической науке. Громили Н. Л. Рубинштейна⁹ за историографию. ... Разумовская вступилась за Рубинштейна, своего бывшего учителя и научного руководителя. Тогда ее так “проработали” всем собранием, что придя домой, она повесилась. ... Это была способная к научной работе девушка (25 лет). Защитила на истфаке МГУ диссертацию». Перед смертью она написала записку: «Я ничего не имею общего с космополитизмом»¹⁰.

Трагично сложилась судьба преподавателя Ивановского педагогического института, заведующего кафедрой иностранных языков, участника Великой Отечественной войны Бориса Леонидовича Манциводы. В Иваново он вернулся после плена в Бухенвальде, женился, начал писать диссертацию. По воспоминаниям его жены Г. А. Бурмистровой, семья материально жила трудно, но дружно, работали без отдыха. Однако счастье в личной и профессиональной жизни длилось для Б. Л. Манциводы недолго. В письме его жены, хранящемся в музее истории Ивановского государственного университета, написано, что 31 августа 1950 года Бориса Леонидовича, возвращавшегося из Москвы с семинара, арестовали прямо на вокзале на ее глазах. За плен его осудили на 25 лет с конфискацией имущества. В это время Г. А. Бурмистрова сдала два кандидатских экзамена. Студенты и коллеги были внимательны. Но, тем не менее, администрация была вынуждена ее уволить, так как она была «женой врага народа» и не имела права работать в вузе¹¹.

Не смог связать свою судьбу с Ивановским педагогическим институтом молодой кандидат наук, прибывший из Моск-

⁹ Профессор МГУ Н. Л. Рубинштейн был обвинен в космополитизме за «Русскую историографию» (М., 1949) и уволен.

¹⁰ Венкстерн Л. В. Указ. соч. С. 127.

¹¹ Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. С. 75.

вы, А. П. Каждан. Он отличался большой эрудицией, склонностью к широким научным обобщениям, самостоятельностью суждений. «Он даже позволял себе не согласиться с точкой зрения заведующего кафедрой, что у нас было не принято, – вспоминали его коллеги. – Свобода мнений. Свобода рассуждений решительно отличали его от нас. ...От его высказываний веяло каким-то свежим ветром, позволяющим думать и рассуждать, а не только следовать указаниям учебников, одобренных и принятых ЦК партии в качестве учебных пособий для педагогических институтов». Однако столь явная самостоятельность мышления не поощрялась. И однажды он допустил «...ужасную политическую оплошность – он сказал, что Ленину, как всякому человеку, свойственно ошибаться и что он допускал ошибки. В те годы такое заявление не могло не произвести впечатления разорвавшейся бомбы. ...А потом было то, что и должно было последовать за такой “крамолой”: “состряпали дело” и талантливому молодому ученому прогнали, уволили»¹².

Не долго проработал в Ивановском педагогическом институте и Яков Осипович Зунделович. Он родился в 1893 году. Учился во Франции, на «ура» принял революцию 1917 года и приехал в Москву. Здесь он начал преподавать в Литературно-художественном институте и на Высших литературных курсах, был близко знаком с В. Брюсовым. В 1933-1935 гг. в звании профессора он читал лекции по русской и зарубежной литературе в ИФЛИ, а в последние перед арестом годы стал деканом сценарно-режиссерского факультета ВГИКА, много переводил с польского, немецкого и французского языков. В ночь с 4 на 5 ноября 1937 года Яков Осипович был арестован и впоследствии осужден по ст. 58 п. 10 на 10 лет. Однако в 1943 году в связи с тяжелой болезнью он был освобожден (отпустили умирать). Но дочь выходила его и через некоторое время не без труда ему удалось устроиться на работу в Ивановский педагогический институт. Однако и здесь в период борьбы с космополитизмом он задержаться не смог и вынужден был уехать в Самарканд. В музее истории Ивановского педагогического института есть небольшая, изданная его дочерью, книжечка его стихов. На мой

¹² Там же. С. 76.

взгляд, образным языком поэзии этому много повидавшему и перенесшему человеку удалось передать трагизм советской интеллигенции, ее неиссякаемую надежду и способность к самосохранению в самые тяжелые времена¹³. Вот, например, стихотворение, написанное в далеком Самарканде в 1949 г.:

Я – человек, мне даже в мире тесно,
И пусть, как пес, я загнан в конуру –
Я все-таки никак не заору
Псарям и псам хвалебной песни.
Осенне-слякотный стоит февраль:
Как я хочу прозрачно-колкой стужи!..
Ошейник свой я затяну потуже
И буду спать от утра до утра.
Спать для псаря... Я буду ночью выть.
На зов его едва плестись блудливо,
И с хищной дрожью запахи ловить
Неотвратимого весеннего разлива.¹⁴

Это стихотворение, а также приведенные выше факты о судьбах научно-педагогической интеллигенции, показывают два важных, с точки зрения осмысления феномена социальной памяти, момента: *во-первых*, понимание того, что социальная память складывается из индивидуальных памятей в конкретном временном контексте. В данном случае, в послевоенное десятилетие, в социальной памяти вузовской были накрепко «запечатаны» все факты и события как научной, так и обыденной жизни, подвергавшиеся запретам. Активность индивидуальной и коллективной памяти была резко снижена, память «произвела селекцию»: многое сознательно было спрятано от окружающих, и сохранено в самых ее глубинах. Огромный пласт социальной памяти оказался утерян¹⁵. Сегодня с большим трудом воссоз-

¹³ Материалы музея ИвГУ.

¹⁴ Зунделович Я. О. Стихи разных лет. Екатеринбург, 1993. С. 75.

¹⁵ В Ивановском энергетическом институте более 20 лет студенты первых курсов пишут свои родословные. На примере этих работ ярко видны «провалы» в социальной памяти поколений советских людей. Так, к автору данной статьи в конце 1980-х гг. подходили студенты и просили никому не говорить, что у них в роду были священнослужители. Во многих семьях специально замалчивались, скрывались многие факты семейных историй. К примеру, недавно один из студентов написал, что, по рассказам родителей, его семья в 1930-е гг. неожиданно поменяла место

даются коллективные образы вузовской интеллигенции тех лет. *Во-вторых*, можно вывести закон прерывности и непрерывности социальной памяти. Социальная память, в данном случае вузовской интеллигенции, может «затаиться», казалось бы, исчезнуть, но при благоприятных обстоятельствах, ее утраченные сегменты могут быть, к сожалению – лишь частично, возрождены. Так произойдет и с социальной памятью вузовской интеллигенции послевоенного десятилетия.

Хотелось бы обратить внимание еще на один феномен социальной памяти интеллигенции, а именно на ее диффузию в социокультурном пространстве. Проиллюстрируем данное утверждение на примерах формирования интеллигентного *образа жизни*, так как в выбранных для изучения хронологических рамках научная картина мира была искажена, а воспоминания о прошлом были под запретом. Кроме того, мы исходим из того, что образ жизни – это тоже память. Здесь явно видны символы памяти интеллигенции прошлых эпох.

Как известно, подвергавшиеся ранее репрессиям преподаватели не могли жить к Москве ближе, чем за 101 км. Однако у многих из них остались в столице родственники и друзья. Поэтому они выбирали для жительства город поближе. К таким вынужденным переселенцам относилась, например, семья Рафаила Александровича Кауля и Лидии Владимировны Венкстерн. Они были коренными москвичами, но в годы войны Р. А. Кауль был выслан из Москвы, так как был по национальности немцем. С ним поехала и его жена – Л. В. Венкстерн. По приезду в Иваново они должны были дать подписку о невыезде, встать на учет в Ивановском городском отделе НКВД и ежемесячно являться на регистрацию. Даже поездку на лето с детьми в деревню они должны были согласовывать. Кауля взяли на работу в Ивановский энергетический институт, поскольку вуз был не идеологический, а кадров, тем более высокой квалификации, не хватало. Выпускница МГУ, историк Л. В. Венкстерн смогла устроиться на работу в педагогический институт. Решающую роль при ее приеме на работу сыграло безупречное знание предмета и дефицитная для Иванова спе-

жительства, переехав в одну из деревень ныне Ивановской области. Ни документов, ни рассказов о предыдущем периоде жизни в семье нет.

циализация по западноевропейскому средневековью. Здесь, в провинции, они были распространителями культуры столичной интеллигенции. У них было много книг, грампластинок с записями классической музыки. Часто к ним в дом приходили коллеги, слушали, например, исполнение «Лунной сонаты» различными пианистами и обсуждали особенности их игры¹⁶. Они создавали вокруг себя особый стиль жизни, наполненный уважением к науке, демократизма, интеллигентности. Здесь человек оценивался не по занимаемой должности, а по интеллекту, профессионализму, внутренней культуре.

Если рассматривать социальную память как сложную систему, включающую в себя историческую, научную (для каждой группы научно-педагогической интеллигенции – свою) память, образ жизни и т.д., то необходимо отметить позитивную роль конформизма вузовской интеллигенции в послевоенное десятилетие. Имеются многочисленные примеры того, что во время «проработок» в партийных инстанциях, преподаватели, например, Ивановского медицинского института, признавали свои ошибки в недооценке работ Т. Лысенко, но в частных беседах со студентами и аспирантами, а нередко и на лекциях (иногда в виде критики), рассказывали о достижениях генетики. Кроме того, если судить по воспоминаниям студентов тех лет, то у них была невероятная тяга к знаниям. Они самоотверженно учились. Многим фронтовикам учиться было нелегко, но помогали преподаватели и девушки-студентки, только что окончившие школу. В процессе обучения, совместной научно-исследовательской, трудовой, деятельности, во внеучебное время вузовская интеллигенция формировала интеллектуально-духовный облик студентов, создавала символы и образы социальной памяти.

Вместе с тем, на материале первого послевоенного десятилетия можно проследить, что целенаправленная деятельность властных структур по формированию идеологизированного, ограниченного в научном плане, догматизированного мировоззрения вузовской интеллигенции была весьма успешной. Большинство преподавателей стало придерживаться единственно

¹⁶ Интервью с В. А. Сергеевым от 24 сентября 2003 г. Архив автора.

возможной для самосохранения в те годы конформистской позиции, и, следовательно, не могла передать своим детям и студентам свои истинные суждения, а другие работники высшей школы искренне не понимали сути происходящих процессов.

В архивах сохранились письма научно-педагогической интеллигенции в партийные органы, включая ЦК ВКП(б). Здесь они надеялись найти понимание, поддержку, решение общественных и личных проблем. Так, например, в 1949 г. из Московского архитектурного института был уволен заведующий кафедрой высшей математики Н. И. Вейсфельд с формулировкой «по мотивам недостаточной квалификации по специальности». После неожиданного для него увольнения он оказался в положении человека, имеющего «волчий билет». Ни один вуз Москвы не брал его на работу, и тогда Вейсфельд пишет письмо В. М. Молотову. Вначале он рассказывает о своих реальных профессиональных заслугах, подтвержденных прилагаемыми отзывами академиков И. Г. Петровского и членом-корреспондентом АН СССР В. В. Степановым (не побоялись! – Г. Б.). Далее он размышляет о возможных причинах своего увольнения: «...можно считать очевидным, что я снят с работы не по деловым, а по каким-то другим, от меня скрываемым мотивам... Скрываемый мотив может быть только одним: политическая компрометация. Между тем моя политическая биография ничем не запятнана: я происхожу из бедной семьи, сам себя содержал с 16 лет уроками; выбился собственными силами; в политических партиях не состоял; к антисоветским группировкам не примыкал; репрессиям не подвергался. То же относится и к моим братьям, сестрам и семье моей жены. Однако должна же быть какая-либо причина моей компрометации. Я прихожу путем исключения к единственному обстоятельству, которое, вероятно поставлено мне в вину: я переписывался со знакомой семьей в Америке...»¹⁷.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9396. Оп. 13. Д. 29. Л. 57. Рассмотрение письма Н. И. Вейсфельда было передано в институт. Директор института кроме официального ответа в ЦК ВКП(б) написал личное письмо, в котором отметил: «Возвращение Вейсфельда в институт несомненно поставит под сомнение правильность действий института в части укрепления кадров... Всего освобождено 40 препода-

Подводя итоги, следует отметить следующее. *Во-первых*, воспроизводство, сохранение и распространение социальной памяти зависит от конкретной обстановки; *во-вторых*, одним из важнейших посредников при ее формировании у нового поколения является интеллигенция-посредница – учителя школы и преподаватели вузов; *в-третьих*, социальная память складывается из индивидуальных памятей в конкретном временном контексте; *в-четвертых*, социальная память может прерываться и возобновляться вновь при благоприятных обстоятельствах; *в-пятых*, даже при неблагоприятных условиях, социальная память обладает способностью к диффузии в социокультурной среде ее носителей.

вателей, пожаловался один Вейсфельд», следовательно, делает вывод директор, «замена сделана правильно». Там же. Л. 68.